

Николай БЛАГОВ
РОВЕСНИКИ

В войну в тыловой опустевшей России
Мальчишкам оставили труд мужики.
Земля захлестнула нам ноги босые –
По рамы в неё мы пускали плуги.

Жарой обдавая, плелись бороздами,
Дышали быки, напрягая хребты.
На пашню следы высеивались за нами,
Какие сейчас на дорогах грибных.

А лето, дождливую даль нахлобучив,
Работало, сил не жалея своих,
Всё с запада, с запада двигало тучи –
Там грому, наверно, хватало без них.

И надо ж – всё поле хлеба затопили.
Зайдёшь и утонешь – не видно голов:
Иль мы не особенно рослыми были,
Иль нынче таких не родится хлебов?

По нашим ли силам удача такая?
Не в поле оставить же!.. Или слабы?!
Девчонки, всю силу в рывке выдыхая,
Пудовые на воз бросали снопы...

И поле, пустея, скрипело возами,
Зерна не роняло. За нами следил
Огромными, с памятью дымной глазами
Доставленный к нам ленинградец один.

Глазастый и тихий, как голод блокады,
Чуть слышно дышал он (ещё не окреп):
«Полегче бросайте! Да легче же надо!
Легонько, ребята! Ведь это же хлеб!»

Росли, разрастались железные грозы,
Но грохот катнулся на запад. Туда
Гружённые бомбами шли бомбовозы,
Гружённые хлебом неслись поезда.

И только дохнуло загишьё по странам,
Россию – в руинах, в могилах, в дыму, –
Из пепла Россию вручила война нам,
Какой не вручали её никому.

Но всё же была и тогда она сказкой.
Вольготно дышала из всех родников
Застенчивой свежестью артезианской,
Бродила здоровьем на веки веков.

И мы за неё становились в ответе,
За солнце с рассвета,
За звёзды в ночах...
И как-то в заботах никто не заметил,
Когда это мы развернулись в плечах.

К земле прикипели, втянулись трудиться.
И вдруг удивились, когда ковыли
На диких степях обернулись пшеницей
Да к звёздам рванулись в полёт корабли...

Мы слушали кроткие их позывные,
Мы слышали – мир удивлённо притих...
Так вот она стала какою, Россия,
Россия ровесников дельных моих!

* * *

Набив карманы хлебом поплотней,
В степи бездонной пропадал ты днями.
А ночью снилось, что летишь над ней,
Держась на ветре, вровень с ястребами.
В лесу – другое. Лес живет дремля,
И в чаще вечно кроется тревога.
А здесь тебе лишь небо да земля,
Лишь ты да бесконечная дорога.
Стадами проплывают облака,
Шагаешь ты да тень твоя босая.
И смотришь в даль, что чище родника,
Но день уходит, солнце опуская.
А вечером, когда багряно светит,
С закатом вместе тлея, гладь реки,
Сумерничать обычно у соседей,
Я помню, собирались мужики.
Садись в круг, огня не зажигая,
Как будто что-то шарили в ночи.
Досужая ребячья наша стая
Лежала, не дышала на печи.
Обнявшись туго, слушали с опаской,
У нас один старик хороший был:
Расскажет быль, похожую на сказку,
Иль сложит сказку без чудес, как быль.
Потом с тяжелым вздохом кто-то вспомнит
Войну, окоп и кто остался там...
Румянились от папирос ладони,
И горечь дыма подбиралась к нам.
Был все темнее мутный взгляд окошка,
Мы замираем, слушаем, лежим.
Ах, детство, детство! Мне смешно немножко,
Как я тогда завидовал большим.
Мол, хорошо в уютном полумраке,
О подоконник рукавом шурша,
Вот так сидеть, задумавшись, на лавке
И говорить по слову, не спеша.